

DISHONORED®

АДАМ КРИСТОФЕР

DISHONORED®

ПОРЧЕНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(931)
ББК 84 (8Нo3)-44
К82

Adam Christopher
DISHONORED: THE CORRODED MAN

Печатается с разрешения издательства
Titan Publishing Group Ltd.
TITANBOOKS.COM

Перевод с английского Заура Мамедьярова

Кристофер, Адам.

К82 Dishonored: Порченный : [фантастический роман] / Адам Кристофер; [пер. с англ. З.А. Мамедьярова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-17-100992-2

В Дануолле появляется странный человек, закутанный с ног до головы в тяжелые, диковинные одежды. Он владеет силами, которыми некогда обладал ассасин, известный под именем Дауд. Опасаясь, что вернулся их смертный враг, Эмили и Корво, очертя голову, бросаются в схватку со временем. Если им не удастся выяснить всю правду об этом таинственном человеке, последствия могут быть невообразимо чудовищны.

УДК 821.111-312.9(931)
ББК 84 (7Нo3)-44

ISBN 978-5-17-100992-2

© 2017 Bethesda Softworks LLC.

Dishonored, Arkane, ZeniMax, Bethesda, Bethesda Softworks and related logos are registered trademarks or trademarks of ZeniMax Media Inc. in the U.S. and/or other countries.
All Rights Reserved.

ПРОЛОГ

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ЮТАКИ

Месяц не определен, 1849–1850 год

«Тюрьмы Тивии, расположенные в тундре, в самом центре этого моноэтнического государства, отличаются от всех прочих. В некоторых тивианских трудовых лагерях в буквальном смысле нет стен. Вероятность того, что изнуренный тяжелым трудом и лишенный каких бы то ни было орудий узник сумеет выжить в суровом климате морозных пустошей, по которым рыщут стаи голодных волков, крайне мала. Более того, тюремное начальство Тивии во всеуслышание заявляет, что каждый узник волен уйти в любое время. В истории не зафиксировано ни одного случая, когда кому-либо удавалось преодолеть неблизкий путь по снегу и льду и добраться до ближайшего города».

— ОСТРОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

Выдержка из отчета, составленного
по указу главы Королевской тайной канцелярии

Узник остановился на краю обрыва и посмотрел вокруг. Полы его тяжелой шерстяной шинели развевались на сильном ветру, который дул из простирающейся внизу ледниковой долины. Завывания ветра были такими громкими, что Узник едва слышал собственные мысли и уж точно не осознавал всю сложность стоящей перед ним задачи.

Нельзя было терять ни минуты. У него имелось дело, которое надо было закончить.

Он зашел уже очень далеко — слишком далеко, чтобы миссия окончилась провалом, слишком далеко, чтобы сдать, но в то же время еще недостаточно далеко. Он был все еще слишком близко к своим тюремщикам, своим *мучителям*. Он знал, что должен идти до конца, и понимал, что во всем мире есть только один человек, который способен его остановить, и этот человек — он сам.

Узник поправил черную дорожную шляпу, нагнув ее поглубже, чтобы поля перестали биться на ветру. Он осмотрел окрестности. Жуткий ветер гнал снежные вихри по безлюдным пустошам, холодное солнце лило с неба тусклый, мертвый свет.

Перед ним была тундра.

Перед ним была Тивия.

Узник повернулся, и цепи, лежащие у него на плече, соскользнули в снег. К другому их концу был прикован

какой-то черный ком, завернутый в тряпье. Он дрожал. Может быть, даже всхлипывал, или плакал, или молил о пощаде, но Узник не слышал этого на ветру.

Когда-то эта *тварь* была надзирателем трудового лагеря Ютака. Теперь, сам став пленником, бывший надзиратель совсем окоченел — от холода, от долгого пути и от осознания, что его история подходит к концу и вскоре ему предстоит один на один встретиться с Бездной. Ведь надзиратель не был хорошим человеком и прекрасно это знал. Он знал и то, какая судьба постигнет его беспредельную душу, когда Узник закончит свое жестокое дело в этих глубоких снегах.

Его конец был близок, но еще не наступил.

Он все еще был нужен Узнику. Тот поднял цепь затянутой в перчатку рукой, удобнее перехватил ее и слегка потянул. Дрожащее ничтожество поднялось, но не на ноги, а только на колени, и поползло вперед, не поднимая головы. Его подбородок был скрыт под дюжиной слоев намотанного на шею шарфа, широкий воротник черной шинели был поднят. Шинель была такая же, как у Узника, тивианского военного образца, созданная специально для непопулярных туров по суровому, обледенелому ландшафту страны.

Узник забрал свою шинель у другого лагерного надзирателя — одного из трех его пленников, который умер первым, еще в лагере, до того, как они вышли на снежную равнину. Второй скончался через два дня после начала пути, и цепь его до сих пор была прикована к запястью Узника, а толстый железный ошейник болтался у него на ремне.

Узнику нужны были трое, поэтому он и захватил троих. Первого он взял из-за одежды — тяжелой зимней униформы тивианской армии, заменившей поношенную робу, которую Узник не снимал много лет. Теперь на нем были подбитая мехом шинель, широкополая шляпа, заслонявшая мертвенный свет зимнего солнца, и связанный из шерсти распроста-

ненного в тундре черного саблезубого медведя шарф. Его глаза скрывали снежные очки первого надзирателя — два диска из полированного красного стекла, размером едва ли меньше блюдце, из которых лагерные надзиратели всегда потягивали горячий заграничный гристольский чай.

Первый надзиратель был мертв. Его смерть была неизбежна. Он не хотел расставаться со своей униформой, так что Узник взял ее силой. Впрочем, это ничего не изменило. В лагере к тому времени не осталось в живых никого, за кем нужно было бы надзирать.

Никого.

Пока Узник снимал одежду с мертвого надзирателя, два других его пленника — закованные в ошейники, жалкие — стояли на коленях на твердом полу и молча наблюдали за тем, как их новый повелитель готовится к долгому пути. Их мысли были где-то далеко. Затем Узник дернул цепи, и пленники, спотыкаясь, побрели за ним по снегу, склонив головы и бездумно бормоча что-то себе под нос.

Второго надзирателя он взял ради совсем другой цели.

Ради еды.

Не для себя, и не для третьего пленника, а для волков, которые, как догадывался Узник, почувют их, как только они покинут ярко освещенную безопасную территорию лагеря. Оказавшись за ее пределами, они два дня шли по снегу, то шагая по твердому насту, то проваливаясь по пояс. Продвигались они медленно.

Волки бегали быстро. В разгар зимы, в месяцы тьмы, сурового холода и льда, это был их мир, их удел, и, оказываясь за оградой тивианских тюрем, раскиданных по снежным равнинам, человек вторгался на их территорию незаконно, но волки были этому только рады.

И неудивительно. Беглецов — безумцев, возмывших, что у них все получится, и покинувших

лагерь, поддавшись на провокации надзирателей, — встречали здесь с распростертыми объятиями. Еды не хватало. Волчьи стаи в этом снежном мире были очень голодны.

Уходя из лагеря, Узник видел множество свидетельств прошлых побегов. Все эти мечты, все попытки были одинаковыми — плохо продуманными, отчаянными. *Невозможными*. Ведь все тюрьмы Тивии тоже были одинаковыми. Каждая представляла собой трудовой лагерь среди тундры.

Размеры лагерей различались друг от друга. Одни были рассчитаны всего на пару десятков заключенных, в то время как другие больше напоминали целые города. Различались и принципы их работы. Осужденные за мелкие преступления работали на лесозаготовках, но и эта задача многим оказывалась не под силу, ведь деревья в окрестных лесах были твердыми, как Дануоллский гранит. Они окаменели от холода и превратились в высокие столбы вечной мерзлоты.

Но лагеря лесозаготовщиков нельзя было назвать каторгой — во всяком случае, в понимании Узника. Они были просто «исправительными» учреждениями, откуда заключенные однажды могли даже вернуться в тепло цивилизации, пусть и превратившись в тени, в призраки самих себя, после того как тяжелый труд отбил у них все мысли о борьбе и о бунте.

Остальные тюрьмы были другими. В них заключенные или работали в карьерах и дробили камни либо, как в Ютаке, спускались в темные, прорезанные в вечной мерзлоте шахты, чтобы добывать соль из неприступных, скованных льдом земных глубин.

Попасть в такие лагеря означало исчезнуть. Уж лучше смерть, но такого приговора в законах Тивии не было. На самом деле, в соответствии с извращенной логикой верховных судей — полувоенного

трибунала, который держал весь остров в ежовых рукавицах, — тюремное заключение даже не считалось наказанием. По их словам, ссылка в лагеря приравнивалась к дарованию *свободы*.

Ведь в тюрьмах не было стен.

Впрочем, *надзиратели* там были. Узнику было жаль этих несчастных мерзавцев, получивших долгу командировку в снежные пустоши. Но по истечении срока службы надзиратели хотя бы могли вернуться домой. Они отвечали за управление лагерем. Следили, чтобы соблюдался порядок, работа спорилась и наказывали тех, кто не справлялся с нормой — будь то лес, соль или камень. Но препятствовать побегам в их обязанности не входило.

Побег, по мнению верховных судей, был невозможен, потому что лагеря не являлись тюрьмами. Не было ни стен, ни ворот, ни заборов. «Узников» не заковывали в кандалы, не пристегивали наручниками и не держали взаперти — ни днем, ни ночью. Фактически, в любой момент узники могли уйти — заключенные в лагере были свободными людьми, помилованными государством и получившими полное право вернуться домой, к своим семьям, в свои города и деревушки. К своей жизни.

Само собой, побег был *действительно* невозможен. Узники это понимали. Надзиратели это понимали. Это понимали и верховные судьи, но их руки были чисты и ничто не взывало к их совести.

Потому что каждый был свободным человеком.

Узник и его пленники обнаружили первое тело всего в миле от лагерных огней. То есть — половину первого тела. Вторая отсутствовала. Несчастный лежал на снегу лицом вниз, раскинув руки. Тонкая ткань робы едва прикрывала идеальную, нетронутую кожу на спине, белую, как морлийский алебастр, и такую же твердую, замерзшую навсегда.

Неизвестно, что стало с нижней половиной тела этого человека. В такой близости от лагеря несостоявшийся беглец, скорее всего, умер от холода, а не погиб в схватке с волками. Хотя, если зима выдалась особенно суровой, вполне вероятно, что его ноги отгрыз отчаявшийся зверь, рискнувший подойти к человеческому жилью ближе, чем обычно, и не успевший сожрать ничего, кроме нижних конечностей, пока его не спугнули огни и громкие голоса надзирателей. Оставшаяся часть тела прекрасно сохранилась на холоде. Может, несчастный пролежал здесь всего день, а может, и целых пятьдесят зим.

Так вот, это тело было первым. Ходили слухи, что в ясный день с северной башни Ютаки были видны и другие замерзшие трупы, лежащие даже ближе к лагерю. Но Узник ни разу не забирался на северную башню и не проверял, так ли это на самом деле.

Теперь забираться было не на что. Башня осталась позади.

Вскоре они обнаружили второе тело. Затем третье. Затем еще больше. Некоторое время Узник и его закованные в цепи спутники шли по тропе, от трупа к трупу, каждый из которых был холоден, как лед, и выглядел так, словно прилег отдохнуть на снегу и больше уже не поднялся.

Некоторые были целехоньки. От других остались лишь куски.

Вечером второго дня Узник зарезал второго надзирателя, а потом расчленил ножом с золотой рукояткой и хитрым двойным лезвием. Пока Узник вершил свое дело, последний его пленник сидел на снегу и наблюдал за всем происходящим остекленевшими глазами, словно зачарованный. Затем Узник положил волкам красное мясо и кости. На залитом кровью снегу под холодным солнцем мяса казалось мало, а от костей и вовсе не было проку, но на самом деле этого было достаточно. Не страшась волков,

Узник и его последний пленник успеют добраться до ледниковой долины.

До его спасения.

Узник осмотрел три замерзших тела, только для того, чтобы убедиться, что они не подходят. Хотя он и ожидал найти немало окоченевших трупов, он подозревал, что ни один из них не подойдет для его целей. И осмотр это подтвердил. Плоть их была твердой, но ее все же можно было разрезать его ножом с двумя лезвиями, а вот кости под ней ни на что не годились: мириады кристалликов льда лишали их той прочности, которой они когда-то обладали.

Они были бесполезны.

Узнику нужны были человеческие кости — *живые* кости *живого* человека. Чтобы выбраться из тундры и вернуться в мир, ему надо было прибегнуть к помощи весьма специфической магии. Поэтому он и захватил третьего пленника. Второй был нужен ради плоти. Третий — ради *костей*.

Узник осмотрел простирающуюся перед ним ледниковую долину. Пропасть, над которой он стоял, резко обрывалась вниз не меньше чем на тысячу футов. Этот утес казался жутким черным наростом среди бескрайних, ослепительно белых пустошей, где земля сливалась с небом, а горизонт был лишь грязно-серым пятном, маячившим в уголках его глаз.

За обрывом простиралась глубокая и широкая долина, покрытая плотно утрамбованным снегом, по краям которой поднимались высокие зубчатые стены из огромных ледяных глыб, сиявших такой глубокой синевой, словно это был не лед, а сапфиры.

Кое-кто считал, что это настоящее чудо света, пейзаж неопишуемой красоты. Это ледяное поле открыли сотни лет назад и с тех пор не единожды запечатлели на картинах, но даже гравюры в географических талмудах, собранных в Академии на-

турфилософии в Дануолле, не могли передать всей невероятной красоты этой местности, от которой захватывало дух.

Это место было *ключом*.

Узник плотно замотал шарф. Широкие поля его шляпы подрагивали на ветру. Он отвел защищенные красными стеклами очков глаза от долины и посмотрел на своего последнего пленника, скрючившегося позади него на снегу. Несчастный поднял голову. Может, он почувствовал, что *момент настал*, даже несмотря на то что его мысли путались, плавая в море сумятицы и безумия. Так действовала магия Узника — магия, которая позволила ему выбраться из лагеря и поможет выбраться из тундры и вернуться в мир, в цивилизацию.

И отомстить.

Глядя на собственное отражение в снежных очках своего повелителя, последний пленник пошевелил губами, как будто желая что-то сказать, но не произнес ни слова. Стоя на коленях в снегу, пленник, бывший лагерный надзиратель, раскачивался из стороны в сторону, словно очарованный собственным искаженным отражением. Но его взгляд был сфокусирован, зрачки превратились в черные точки, кожа на лице покраснела и огрубела от холода и ветра, который завывал без умолку.

Узник под шарфом улыбнулся.

Магия, аура, не рассеивалась.

Его спасение было близко.

Свободной рукой, не прикованной к концу цепи, он, не снимая перчатки, скользнул под толстый воротник шинели несчастного. Еще даже не коснувшись ножа, он почувствовал тепло, исходящее от двух его лезвий. Вполне возможно, подумал он, ему не нужны были ни шинель, ни шляпа, ни шарф. Вполне возможно, у него *не было* необходимости убивать того надзирателя, только чтобы забрать его одежду.

Но это было неважно. К тому же, ему понравилось первое убийство. В этой смерти было даже некое удовлетворение — слабое, но оттого не менее приятное. Возможно, потому что это был первый вестник мести, первое военное выступление против его гонителей.

Первая смерть из многих, что последуют за нею.

Узник вытащил нож из-за ремня, и взгляд зачарованного пленника тут же метнулся к лезвиям и остановился на них. Несчастный во все глаза смотрел, как они сияют золотом, вбирая холодный свет солнца и превращая его в нечто совершенно другое — в электричество, мерцающее за его закрытыми веками, в отражение огня, Великого пожара, который бесчисленное количество лет назад положил конец одному миру и дал начало другому.

Нож в ладони Узника источал тепло, и это тепло разливалось по руке и согревало все его тело. Казалось, он погружается в удивительный вулканический источник из тех, что то и дело встречались в тундре и снабжали лагерь теплом и энергией.

Затем Узник поднял нож и приставил кончик лезвия к горлу своего пленника.

— Народ Тивии благодарит тебя за службу, — сказал он.

Пленник непонимающе посмотрел на него стеклянными глазами. Узник надавил сильнее, и на белый снег хлынула горячая алая кровь.

НЕПОДАЛЕКУ ОТ ДАНУОЛЛА

7-й день, месяц дождя, 1851 год

«Боюсь, юной леди Эмили недостает дисциплины. Здесь, в Дануоллской башне, она обучается у лучших наставников Островов, но мать балует ее, поэтому девочка почти всегда витает в облаках, понапрасну тратит время на рисование или просит Корво научить ее сражаться на деревянных палках. Однажды эта девочка может стать правительницей Империи; каждая потраченная на игры секунда — это секунда, потерянная навсегда».

— ПОЛЕВЫЕ ЗАПИСКИ:
ГЛАВА КОРОЛЕВСКОЙ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
Выдержка из мемуаров Хайрема Берроуза,
датированных несколькими годами ранее